

Сенокос

*Люблю я в полюшко ходить,
Люблю я сено шевелить.
Как бы с милым повидаться,
Три часа поговорить.*

Сенокос начинался в самом конце июня: «Июнь с косой по лесам пошел», со дня Самсона Сеногноя (27 июня /10 июля), с Петрова дня (29 июня /12 июля) или с летнего дня Кузьмы и Демьяна (1/14 июля). Основная работа приходилась на июль-«сенозорник».

Сено заготавливалось на заливных лугах, располагавшихся в долинах рек, и на небольших, отвоеванных у леса участках земли. Сенокосные угодья могли находиться как вблизи деревни, так и на некотором расстоянии от нее. На

дальние луга крестьяне выезжали всей семьей:

«Всякий, кто дорос, спешит на сенокос». Дома оставались только старики и старухи для присмотра за малышами и ухода за скотом. Вот как, например, отправлялись на сенокос крестьяне деревень Ямны, Васса, Сосна Мещовского уезда Калужской губернии в конце 1890-х годов: «Настало время косовицы...

Ямненцы, вассовцы, сосенцы едут на семи-восьми лошадях с сундуками (с съестным), с косами, граблями, вилами. На каждой почти телеге три-четыре человека, конечно, с ребяташками. Некоторые везут бочонок квасу, кувшины с молоком.

Едут разряженные: мужчины в ситцевых рубашках всех цветов и самой дикой фантазии; молодежь в пиджаках, сверх того жилетах... Женщины представляют из своих сарафанов с оборками и казачков-кофточек в талию такой цветник, что в глазах рябит. А платки! Но о платках лучше умолчать: их разнообразию и яркости нет числа. И в дополнение фартуки, то есть передники. Теперь здесь встречаются и матроски, так что встретитесь с хорошенькой крестьяночкой, и вполне можете подумать, что это городская барышня, или, чего доброго, помещица. Подростки и дети тоже стараются нарядиться во все лучшее. Едут и поют во всю мочь песни».

Сенокосную пору девушки ждали с большим нетерпением. Яркое солнце, близость воды, душистые травы – все это создавало атмосферу радости, счастья, свободы от повседневности, а отсутствие строгого глаза стариков и старух – деревенских стражей

нравственности – позволяло вести себя несколько более раскованно, чем в обычное время.

Жители каждой деревни, приехав на место, устраивали стоянку – станок: ставили шалаши, в которых спали, приготавливали дрова для костра, на котором готовили пищу. Таких станков вдоль по берегам реки было много – до семи-восьми на двух квадратных километрах. Каждый станок обычно принадлежал жителям одной деревни, которые работали на лугу все вместе. Скошенную и высушенную траву станок делил по количеству мужчин в семье.

Вставали рано утром, еще до восхода солнца, и, не позавтракав, отправлялись на косьбу, чтобы не пропустить время, пока луг покрыт росой, так как влажную траву легче косить. Когда солнце поднималось над горизонтом выше и росу начинало «обтягивать», семьи садились завтракать. В скоромный день ели мясо, хлеб, молоко, яйца, в постные дни (среду и пятницу) – квас, хлеб и лук. После завтрака, если роса была сильная, продолжали косить, а затем раскладывали траву ровными тонкими рядами на лугу, чтобы она просохла. Потом обедали и отдыхали.

За это время трава немного обвядала, и ее начинали ворошить граблями, чтобы она лучше сохла. Вечером высушенное сено складывали в копны. В общей работе семьи каждый знал свое дело. Парни и молодые мужчины косили траву. Женщины и девушки раскладывали ее рядами, ворошили и собирали в копны. Метание стогов было работой парней и девушек. Парни подавали сено на деревянных вилах, а девушки раскладывали его по стогу, уминали ногами, чтобы оно плотнее ложилось. Вечер для

старшего поколения заканчивался отбиванием кос молотками на маленьких наковальнях. Этот звон разносился по всем лугам, означая, что работа закончилась.

«Сбил сенозорник у мужика мужицкую спесь, что некогда и на печь лечь», – говорит пословица о занятости людей на косовище с утра до вечера. Однако для парней и девушек сенокос был временем, когда они могли продемонстрировать друг другу умение хорошо работать и веселиться. Недаром на Северной Двине общение молодежи в пору сенокоса называлось красованием.

Веселье царило в обеденное время, когда старшие отдыхали в шалашах, а молодежь шла купаться. Совместные купания парней и девушек не одобрялись общественным мнением, поэтому девушки отправлялись подальше от станка, стараясь, чтобы парни их не выследили. Парни все-таки их находили, прятали одежду, вызывая негодование девушек. Возвращались обычно вместе. Девушки пели своим ухажерам, например, такую песню:

Дождь пойдет, сенцо подмочит,
Будет тятенька ругать –
Помоги-ка мне, хороший,
Мой зародец дометать.
Частый дождик поливает,
Меня милый вспоминает:
– Мочит милушку мою
На сенокосе, бедную.

Главное веселье наступало вечером, после захода солнца. Молодежь стягивалась к одному из станков, где было много «славниц». Играла гармошка, начинались пляски, песни, хороводы, гулянья парами. Радость гуляний, продолжавшихся почти до самого утра, хорошо передает песня:

Петровская ночь,
Ночка невеличка,
А рельё, ладо,
Невеличка!
А я, молодая,
Не выпалася,
А рельё, ладо,
Не выпалася!
Не выпалася,
Не нагулялася!
А рельё, ладо,
Не нагулялася!
Я с милым дружкой
Не настоялася!
А рельё, ладо,
Не настоялася!
Не настоялася,
Не наговорилаь,
А рельё, ладо,
Не наговорилаь!

Под конец гулянья исполнялась «разборная» песенка девушек:

Пойдемте, девушки, домой,
Зорька занимается!
Зорька занимается,
Мамаша заругается!

Сенокос оставался «приятнейшей из сельских работ» даже в том случае, если он проходил поблизости от деревни и поэтому каждый вечер нужно было возвращаться домой. Очевидцы писали: «Время года,

теплые ночи, купанье после утомительного зноя, благоуханный воздух лугов – все вместе имеет что-то обаятельное, отраднo действующее на душу. Бабы и девки имеют обычай для работы в лугах надевать на себя не только чистое белье, но даже одеваться по-праздничному. Для девок луг есть гульбище, на котором они, дружно работая граблями и сопровождая работу общей песней, рисуются перед женихами».

Сенокос кончался к празднику Казанской иконы Божьей Матери (8/21 июля) или к Ильину дню (20 июля / 2 августа): «Илья Пророк – косьбе срок». Считалось, что «после Ильи» сено будет уже не так хорошо: «До Ильина дня в сене пуд меду, после Ильина дня – пуд навозу».

Источник:

Шангина И. Сенокос / И. Шангина // Шангина И. Русские девушки. – Санкт-Петербург, 2007. – С. 64-69